

Путешествие в среднюю Лапландию в марте 1923 года.

(С 1 картой).

Г. Крепс.

В феврале 23 г. я с радостью принял предложение организаторов и руководителей Мурманского Губернского Статистического Бюро—С. И. Каплан и Н. И. Кац—сопутствовать им, в качестве лица знакомого с природой и хозяйством края, в предпринимаемом ими, в целях проведения переписи, путешествии по внутренней части Кольского полуострова.

Центральная часть Кольского полуострова, расположенная к востоку от линии жел. дороги и удаленная как от нее, так и от морских берегов, представляет собою местность до сих пор очень мало известную. Большинство научных экспедиций, устремившихся за последние годы в Лапландию, имея своей базой линию ж. д., не проникало далее 50—70 верст от нее. Правда, некоторые отдельные исследователи уходили и дальше, Ловозеро и Терский берег до Кузомени за последние годы посетили сотрудники Северной Научно-Промысловой Экспедиции (Клейнберг Головин, Померанцев) и Экономического Отдела Мурманской жел. дороги (Раевский) и дали ценные сведения как о природе, так и о экономических условиях жизни и нуждах населения. Но центральная часть, собственно Лапландия, оставалась в стороне. Из путешествий более старых годов, касающихся главным образом естествознания края, нужно отметить во 1-ых, финские экспедиции Чильмана (Kihlman) и Рамзая (Ramsay) в Acta Societatis pro Fauna et Flora Fennica, 1889, 1900, пересекших в различных местах Кольский полуостров и собравших обширнейший геоботанический и геологический материал. В 1895 г. Рипас, поднявшись по Варзуге

и проникнув в реку Поной, прошел им в его верховья. В 1913 г. Поле, тем же путем попав в р. Поной, спустился по нем до его устья.

В виду статистико-экономических заданий, решено было путешествие предпринять зимою, когда все население можно застать на своих зимних местах—в погостах, и когда передвижение экспедиции могло быстро и беспрепятственно совершаться на оленях. С другой стороны, зима, конечно, должна была отрицательно отразиться на возможности сделать некоторые естественно-исторические наблюдения, которые было бы желательно получить в общегеографических интересах. Необходимость безотлагательно тронуться в путь не позволила мне раздобыть где-либо желательное для путешествия снаряжение: отсутствие у нас анероида для барометрической нивелировки хотя бы маршрута, незнакомство со свойствами полученного накануне отъезда фотографического аппарата, с небольшим количеством частью недоброкачественных пластинок, лишили нас возможности как-нибудь показательно об'ективизировать наши географические наблюдения, ограничивающиеся некоторыми данными о распределении и характере лесов и чисто ландшафтными наблюдениями по орографии страны.

Нами был намечен следующий маршрут: из Мурманска до станции Пулозеро по жел. дороге, отсюда на оленях последовательно на Ловозеро, погост Ляозерский, Семиостровский, Каменский, Куроптевский, Зимний Иоканьский погост, Лумбовский погост и обратно—всего 940 (прибл.) верст, который мы рассчитывали, с работой на местах, пройти в месяц.

1 марта, в 11 часов вечера, при изрядном морозе и при полной сверкающей луне, на 4-х упряжках оленей покинули мы стационарный поселок Пулозеро и двинулись на в. ю. в. к Ловозеру, лежащему в 95 верстах.

Как зачарованный стоит безмолвный лес, обряженный снегом; светло как днем; лесистые увалы сменяют открытые болота, окруженные черной зубчатой стеной стройных, как свечи, полярных елей. Через каждые 10—15 верст минутная остановка—дать вздохнуть оленям,—потом дальше и дальше... Мороз крепчает, луна обходит свой круг по небу, теперь она сзади и справа; еще чеканнее, еще прекраснее лес, а с южной стороны местами над стеною леса начинают показываться белые вершины гор—это северные отроги Хибин, которые дальше к востоку переходят в горы Ловозерской тундры.

Отдельные грани гор, покрытые снегом, обледенелым и отшлифованным ветрами, светятся тихим холодным блеском на темном небе, лесистые подножия их сливаются с темнотою ночи и дальнего леса, целина снега изредка нарушается лишь четкими, убегающими в даль, следами куропаток.

Всю ночь мы едем; небо бледнеет и при свете наступающей зари, в редком сосновом бору, останавливаемся, спускаем оленей, разводим огонь... Часа через три трогаемся дальше и днем прибываем в Ловозеро.

Холмистый моренный рельеф местности, лежащей между линией жел. дороги и Ловозером, покрытой сосновым и еловым лесом довольно низкого качества, и пересеченной в разных направлениях безлесными пространствами болот, по которым главным образом пролегает зимняя дорога, разнообразится кое-где выступающими над общим уровнем возвышенностями, вершины которых лежат выше пределов распространения леса. Это — тундрицы, как называют их лопари. Сосновый и частью еловый лес поднимается метров на 150, до половины тундрицы, дальше изреживается и исчезает, кончаясь тонкими, темными на белом фоне снега, жилками по защищенным от ветра морщинкам и долинкам обнаженной вершины.

Чем дальше к востоку, тем качество леса становится ниже. Особенно сильное изменение претерпевают еловые насаждения: до половины, примерно, дороги ель представлена сравнительно высокими деревьями с полнодревесным, хотя и не толстым стволом и с короткими ветвями, придающими такую характерную узко-цилиндрическую форму деревьям и такую острозубчатость силуэту общей линии их вершин. Уже в верстах в 30-ти не доезжая Ловозера, деревьев этой формы становится мало вообще и ели по своей форме приближаются к тем елям, которые характерны для зоны хвойного редколесья на горах бассейна Имандры, на высоте 100—150 метров. Это невысокие, не более $3\frac{1}{2}$ —4 саж. высоты, деревья правильной конусовидной формы, с многочисленными, густо-охвоенными ветвями, в основании своем прилегающими к стволу и спускающимися до самой земли. Чрезвычайно сбежистый, свилеватый ствол, достигающий у комля нередко 8—9 вершков толщины, часто оканчивается несколькими вершинами.

Полнота такого насаждения незначительна: 0,3—0,4, по ложбинкам больше, да на 0,1—0,2, имеется береза—нискорослая, корявая, типа *Betula Kusmits hevi*.

Эволюция березы с запада на восток тоже не менее характерна: около Пулозера попадаются прямоствольные, довольно высокие березы, к Ловозеру же она чернеет, частью приобретает кустообразную форму, частью форму криволеся, некоторое представление о которой дают фруктовые деревья с обмазанными известью стволами.

Сосна, правда, мельчает несколько на восток, становясь менее стройной и более ветвистой и сбежистой, но в общем сохраняет свой облик. Она и в Пулозере представлена деревьями почти не пиловочного размера, но вполне пригодными, как строевой лес, к Ловозеру же качество его падает.

Огромное село Ловозеро на речке Вирме, впадающей в 2-х верстах ниже в озеро Ловозеро, Луявр—по-лопски, лежит на совершенно плоской и голой равнине. Лес, прежде бывший здесь, истреблен на полторы—две версты в окружности. Ловозерская тундра (Луявр Урт)—горная страна служащая как бы продолжением Хибин к востоку, лежит верстах в 10 к югу, подступая к самому оз. Ловозеру. Здесь горы отворачивают на юг, уходя в даль и замыкая в себе окруженное горами Сейдозеро. Луявр-Урт в общем напоминает горы Чуна-тундры, по ту сторону Имандры: они ниже, не так иззубрены, как Хибины, очертания их мягче. Граница леса проходит, как кажется, ниже чем на Хибинах, и покрытые снегом, сверкающие на солнце, горы кажутся порою ледяными.

Речка Вирма течет в неширокой, частью заболоченной, долине среди небольших всхолмлений, покрытых сосновыми борами, частью ельниками с примесью березы. Березняки же вдоль русла, состоящие из корявых, до 4—5 вершков толщины дерев, со множеством сухостоя и валежника, сменяются иногда ивняками. Обширные болота с редкими, скорбными, сосенками чередуются и с березняками по Вирме и с хвойными лесами по суходолам.

К востоку от Ловозера, в направлении на Ляозеро и Семиостровье, лес быстро и круто исчезает; отдельные мелкие елочки чернеют среди корявых и редких березняков, похожих на березняки по Кольской губе. Весь путь до Ляозерского погоста, 60 верст, идет по очень однообразной и бедной местности: плоский или слабо волнистый рельеф, березовые колки по всхолмлениям и по южным склонам, обнаженные, повидимому заболоченные, бесконечные, пониженные, слегка волнистые рав-

нины. По дороге к Семиостровскому погосту (90 верст к ю. в. от Ляозерского) местность сохраняет тот же характер.

Но в нескольких верстах к ю.-в. от Ляозера среди мелких и ничтожных березок, как памятники какого-то другого прошлого, стоят, лишенные коры, вершин и ветвей, как будто врытые в землю столбы, мощные, вершков до 10 в диаметре, свилеватые до крайности, мертвые и высохшие стволы нескольких сосен. Нигде нет признаков ни живой ни мертвой сосны и только трупы этих великанов маячат над голыми холмами.

Они оставались последними в той борьбе леса с тундрой, которая здесь велась издревле и идет и теперь, и их выветрелые, по крутой винтовой линии скрученных волокон, растрескавшиеся стволы свидетельствуют, что когда-то здесь был лес, лес, побежденный тундрой.

Дальше, около Зимнего Иоканьского погоста, встречена аналогичная картина, только в более ранней стадии этой борьбы. Там среди березняков, правда, несколько более крупных, чем в районе Ляозера, стоит несколько больших (до 12 верш. на высоте груди) с виду здоровых и плодоносящих сосен, со слабым годовым приростом, но со свежей зеленой хвоей. Потомства они не дают, но сами твердо держатся за жизнь. Им очень много лет, вероятно несколько сотен, и лопские старики не помнят, чтобы их было больше. Лопари, мало нарушающие целостность природы, среди которой они живут, не трогают их, и для стройки возят лес далеко из-за Поноя, а топят березняком, который не требует предварительной сушки.

Явление надвигания тундры на площади, прежде занятые лесом, широко распространено на Кольском полуострове. Причиной его может являться как совершенно самостоятельный биологический процесс—заболачивание, так и тот факт, что весь массив Фенно-Скандии, в том числе и Кольский пол-ов, испытывает постепенное поднятие, что для современного периода, впрочем, некоторыми учеными отрицается. С общим поднятием должны, естественно, отступить к югу и книзу горизонтальные и вертикальные границы лесов. С другой стороны, имеются определенные данные, что в современный период произошло некоторое изменение климата в сторону охлаждения и увеличения влажности, что, в свою очередь, должно было сказаться на положении границы лесов (сводку см. Берг. Климат и жизнь, 1923). И те высохшие остатки стволов деревьев, которые можно иногда встре-

тить на совершенно безлесных вершинах Хибинских тундр, о которых упоминает и Г. И. Ануфриев (О болотах Кольского полуострова, 1922 г.) так же, как и описываемые здесь отмирающие сосняки, являются последними уцелевшими потомками лесов, имевших более широкое распространение в предшествующий более сухой и теплый период, соответствующий, быть может, пограничному горизонту торфяников.

Этому безрадостному явлению как нельзя более способствует и поселяющийся на Севере человек, хищнически истребляющий рубкой и пожарами леса, которые здесь так трудно и медленно возобновляются.

Весь путь до Семиостровского погоста, как и сам погост, лежит в безлесной, только покрытой мелким корявым березняком, местности. Кое-где, по руслам ручьев попадаются узкие, вытянутые рощицы кривых, до $2\frac{1}{2}$ саж. высотой и до 4 вершков у комля березок, с полнотою, достигающей до 0,3—0,4.

Верстах в 10 от Семиостровья к югу ландшафт начинает медленно меняться: тот же моренный ландшафт становится более выраженным, более пересеченным, и как количество, так и рост березок по холмам увеличивается. В 20 верстах к югу, на вершинах и на верхней трети холмов начинают появляться единичные мелкие елочки, далеко чернеющие среди прозрачных березок.

Еще десяток верст—и отдельные елово-березовые лески, еще жалкие и низкорослые, одевают кое-где склоны, но все-таки большая часть поверхности совершенно безлесна или покрыта только мелким березняком.

Верстах в 35 дорога спускается в речку Ельиок и несколько верст идет ее извилистым руслом. Вдоль русла полоса берез и ивовых кустов саж. 8—10 ширины, за ними обширные и голые болота и лишь вдали по холмам видны леса. Местами олени шлепают по воде—выпал снег и вода, местами на $\frac{1}{4}$ арш., проступила из под него, да и бьющие по склонам ключи не дают речке замерзнуть всю зиму.

Несколько южнее, всхолмления покрываются мешанным лесом со значительной примесью раскидистой сосны, до 5—6 верш. на высоте груди, и дорога выходит на обширную систему, связанных друг с другом, болот, тянущуюся до самого Каменского погоста. Узкие лесистые гряды среди болот покрыты мешанным лесом низкого качества; преобладает ель.

В районе Каменского погоста лесистая местность значительно пересечена. Погост стоит у подножья южного склона, вытянутого в широтном направлении, холма до 100 приблизительно метров высоты, покрытого стройным, но около погоста изреженным, сосняком.

Среди обширных на десятки верст тянувшихся болот, в которых прокладывает свое русло Поной, выступает то как обособленные острова, то связанные друг с другом более низкими всхолмлениями, целый ряд каменистых гряд. Коренная порода то почти отвесно, то более покато поднимается прямо из болота на высоту 50—100—120 метров; на продуктах выветривания у подножия этих гряд растет сосновый и еловый лес с примесью березы, склоны же и вершины очень круты, загромождены валунами и совершенно безлесны. Мелкий березовый кустарник торчит кое—где по уступам. Большинство этих гряд ориентировано по меридиану, каковы, напр., Колокольные горы верстах в 18—20 от Каменского погоста к югу, представляющие собою один непрерывный, в 10 верст длиною, хребет, вытянутый с с. на ю., круто обрывающийся в огромное болото, связанное с болотами Понойской поймы и весной покрывающееся на 1—1½ недели водой, иногда, как говорят, на сажень и больше глубины.

Кроме каменистых гряд, представляющих собою выходы кристаллических пород, повидимому, гнейсов, сильно разрушенных процессами выветривания, над уровнем болот и озер возвышаются и небольшие пологие всхолмления ледникового происхождения, покрытые сосновыми борами посредственного качества. Сосны часто довольно полнодревесны и чисты от сучьев, но очень свилеваты, часто страдают при более крупных размерах сердцевинною гнилью и при высыхании в постройке очень трескаются. Дальше к югу лес значительно улучшается и верстах в 35 от Каменского, по верховьям реки Стрельны и верхней Варзуги, попадаются сосновые насаждения вполне удовлетворительного качества.

Река Поной около Каменского погоста лежит в низких болотистых берегах; течение его здесь медленное, вода окрашена в ржавый цвет. Вдоль русла, сажень в 15 ширины, тянутся мелкие ивняки и корявые березы. Реки Ельиек и Лосенга, в этой средней части полуострова, носят тот же характер.

Чем дальше к востоку, тем южнее опускается граница лесной растительности, и у Куроптевского погоста (60 верст к вос-

току от Каменского) мы вновь пересекаем границу этой зоны и вступаем в зону березняков. Здесь границу леса бережет сосна, и последние изреженные рубками сосны стоят у самого погоста, так же доживающего свои последние годы.

Дальше к востоку, до самого Лумбовского погоста (95 верст от Куроптевского), местность сохраняет чрезвычайно однообразный характер: рельеф—пологие длинные холмы, чередующиеся с пониженными равнинами. Березняки, начиная от Иоканьского погоста, сильно сокращаются, и иногда едешь многие версты почти совершенно голой снежной равниной.

Мелкие кустики полярной березы на несколько вершков выступают из снега, обледенелая тундра сверкает на солнце, ледящий норд-ост с шелестом гонит по насту снежный песок, на горизонте холодное небо сливается со снежною далью... Иногда стада белых куропаток, как бы рожденные от снега и в снег превращающиеся, трепетно вспархивают, перелетают некоторое пространство и, снижаясь, опять становятся невидимыми на снегу. Мороз и ветер, птица строга в такую погоду и далеко не подпускает оленей на выстрел.

Посредине, приблизительно между Иоканьским и Лумбовским погостами, дорога пересекает плоскую возвышенность, вытянутую в направлении с.-з.—ю.-в. и лишенную всякой древесной растительности.

По течению реки Айчи, на крутом берегу которой стоит Лумбовский погост, на вершинах и верхних частях склонов изредка попадаются малорослые ели, разбросанные среди березового криволесья.

В Лумбовском мы повернули в обратный путь и в Каменском разделились: Н. И. Кац и С. И. Каплан направились прежним путем—на Семиостровье, где у них была еще неоконченная статистическая работа. Я же решил проехать в Ловозеро иным путем, которым обыкновенно ездят жители ижемского поселка Ивановки, в 8 верстах от Каменского погоста—именно на с.-з. через верховья Поноя, здесь считается 200 верст.

Предварительно я побывал в стадах Ивановских ижемцев, пасомых зимою верстах в 40 к югу в лесистой местности по верховьям Стрельны и Варзуги, сходящихся здесь на 4 версты.

В Ловозеро нас шел целый караван—2 райды с мясом и шкурами и 2 легких упряжки, всего 28 оленей: 2 ижемца и са-

моед везли товар в Ловозерский кооператив, и с ними на тройке оленей двинулся и я.

Путь от Ивановки лежит сначала верст на 15 по руслу Поноя, потом, где он отступает к северу, выходит на его правый берег и тянется по обширным болотам, среди которых выдаются отдельные каменистые гряды и сосновые боры по всхолмлениям. Выехав часов в 5 дня и проехав верст 30, мы к вечеру остановились на ночлег.

Разбрелись по сосновому бору, роют снег и щиплют ягель из-под него распряженные и спущенные на волю олени, мы ставим стан—маленькую брезентовую палатку с отверстием наверху, натянутую на несколько составленных вершинами шестов, разводим в ней огонь. Тепло, малицы сняты, греется чай... Долго в ночь тянется беседа.

Старик Арсентий, человек предприимчивый и бывалый, первый проникавший со своими стадами в наиболее отдаленные места Лапландии, до самой Сосновской тундры выходил он полуостров, рассказывает, как он со своими сородичами перекочевывал сюда из Печорского края, как весь великий пост, 7 недель, шли они со стадами, огибая Белое море, как попали в Лапландию, которую знали больше по наслышке, знали, что там живут лопари и тоже ведут оленей. Рассказывает про трудности и горести своего хозяйства, как в разверстку 20-го года отобрали у них великое множество оленей, согнали их к берегу моря, перебили, и напрасно сгноили многие тысячи пудов мяса и шкур, не умея и не стараясь сохранить его или использовать; как в прошлом году попали в гололедицу 60 его лучших рабочих быков и все пали от бескормицы, не будучи в состоянии проломить сковавшей землю ледяной коры, скрывшей под собою драгоценный ягель... Рассказывает об удачах и достижениях—как, желая пробраться в Финляндию, где был хороший спрос на продукты оленного хозяйства—мясо и шкуры, он с райдой товара пустился прямо на запад, пересек Имандру и, через финляндскую границу попав в более людные места, выгодно сбыл товар и вернулся, тем самым указав пути этой торговли для других ижемцев.

Позднее в Финляндию ездили не так, а на Кандалакшу, Княжую губу, через Ковдозеро, Кестенгу, иногда до Улеборга. Некоторые шли дальше: в Улеборге товар (главным образом—оленьи задки, укупоренные в бочки, обшитые, во избежание оттаивания, войлоком) по жел. дороге отправлялся в Пе-

тербург и уже здесь продавался немецким, обычно гамбургским, купцам.

Огонь гаснет и, снова облачаясь в малицы, на разостланных шкурах оленей мы ложимся и засыпаем.

Утром опять разводится огонь, варится пища, потом свертывается стан, увязываются и ставятся в полукруг возы. Надо юркать—пригнать и переловить оленей. К крайним возам привязываются длинные веревки, двое из нас берут за концы и расходятся, двое других, подвязав лыжи, идут за оленями и сгоняют их к возам. Вот они уже почти окружены веревкой, как вдруг какой-нибудь предприимчивый бык перепрыгивает или пролезает под ней и уходит, за ним бросается все стадо... Опять та же процедура, на этот раз удачно: олени окружены веревкой и не пытаются уйти. Заходим в круг, разыскиваем, вяжем на веревку каждый своих оленей, запрягаем в немудрую шлею и трогаемся.

Местность носит все тот же характер: болота занимают громадную часть, почти две трети всей поверхности, и тянутся на десятки верст. Среди болот лежит и Чурозеро, зимою ни чем не выделяясь на снежной равнине. К западу от него, нигде не приближаясь ближе 7—10 верст, видна горная цепь. Она по высоте значительно уступает Ловозерской тундре, а лес почти не поднимается по ее склонам. Мы огибаем верховья, как их называют, разливы Поноя, заболоченную и обнаженную местность пересеченную руслами мелких ручьев и речек, по которым тянутся полосы елово-березовых лесков, угнетенных и покрытых лишаями.

Обогнув верховья, дорога поворачивает больше к северу и идет возвышенными сосновыми борами, кое-где погубленными пожарами. Болот много и здесь, но того подавляющего значения они не имеют.

Два раза мы встречали ижемские стада—в самых глухих и безлюдных частях полуострова пасут они своих оленей. На лай зачужавших нас собак, из видневшегося вдалеке чума, вышли люди и бегут на лыжах к нам навстречу. Нас окружают юноши в узких рабочих малицах, с ружьями, недолгий разговор, и едем дальше... Встречаем 3 семьи переселенцев из Ловозера—едут селиться на новые места—в 30 верстах от Ивановки выше по Поною, в урочище Красный Бор. Среди них знакомый ижемец, длительная беседа, целый ряд просьб и поручений в Мурманск.

Проехав в этот день верст 80, мы вечером в сосновом бору на маленькой речке становимся на ночлег.

Верстах в 30 к северу сосна начинает уступать место ельникам, типа ельников окрестностей Ловозера, и становится значительней примесь березы. Еще одна ночевка; ночью к спущенным оленям подбирался волк, но, испуганный лаем наших собак, повернул и ушел своим следом на север.

Скоро становятся видны горы Ловозерской тундры, их восточные склоны и как бы огромный, почти замкнутый цирк—котловина, в которой лежит Сейдозеро. Хвойный лес убывает, все больше березняка, мы пересекаем 2 маленьких озерца и Ловозеро, имеющее здесь около 10 верст ширины, и по руслу Вирмы попадаем в Ловозерский погост.

Ограничась таким поверхностным обзором внешнего вида посещенной страны, переходим к самим ее обитателям, причем, стараясь не вдаваться; правда, в очень интересные, этнографические глубины, коснемся главным образом тех вопросов, которые носят, так сказать, злободневный характер—выясняют современное состояние хозяйства и настоящее положение вещей в срединной Лапландии.

Лет сорок тому назад в Лапландию, испытывавшую и в древние времена набеги то какой-то неведомой чуди, о которой сохранились лишь смутные предания, то финнов, о походах которых в Похиолу поется и в Калевале, а среди лопарей существует множество рассказов о разных эпизодах и случаях их многолетней распри, то скандинавов или русских ушкуйников, приходивших на судах и грабивших лопские погосты, лет сорок тому назад в Лапландию пришли люди, мирное появление которых сказалось сильнее, чем все войны и набеги прежних лет.

Это были ижемцы.

На Печоре среди оленей свирепствовала сибирская язва, вся тундра была заражена трупами павших. Четыре предприимчивых хозяина-оленевода, родом с реки Ижмы, впадающей в Печору, слыхавших, что на другой стороне Белого моря—на Кольском полуострове—люди тоже держат оленей, решили с оставшимися стадами переселиться туда и искать счастья в новой стране.

Справившись по карте, в начале великого поста они вышли, а пасху уже встречали в Лапландии. Лопари, имеющие обще-

ственный строй, похожий на русское крестьянское общество, сразу оценили их, как опасных соперников и соседей, и не хотели принимать их в общество. Вином и подарками усыпив недоверие все же простодушных и падких до хмельного лопарей Ловозерского общества (Понойские не приняли их), ижемцы обосновались в Ловозере.

Предприимчивые и работающие, смекалистые, хорошие торговцы, сильные, рослые, многосемейные, дружные между собою и культурные (грамотность и домашний обиход), ижемцы вскоре взяли верх над коренными обитателями страны. К первым пришельцам позже прибавлялись еще люди с Ижмы, со стадами и без стад. Село Ловозеро разрасталось, появились овцы и коровы, частью культурных холмогорских кровей (из Печенгского монастыря), олени множились—и Ловозеро стало центром лапландского оленеводства.

Ижемские стада, оберегаемые круглый год, пасутся сейчас по всему полуострову, зимою опускаясь к югу, до верховьев Стрельны, Варзуги и Паны, летом уходя на север, в тундры к океану. В лучшие годы до войны, по словам оленеводов, число ижемских оленей доходило до 40.000 голов. Были стадовщики, владевшие 6-ю—9-ю тысячами голов. Оленеводство—главное занятие ижемцев, хотя они держат и коров и имеют небольшие огороды, в которых разводят главным образом картофель, репу и редьку.

Село Ловозеро населено, кроме ижемцев, лопарями и несколькими семьями самоедов, пришедших сюда с ижемцами в качестве работников-пастухов и в значительной степени утративших свою национальность. Некоторые из них здесь разбогатели, обзавелись собственными стадами, а иные стали даже держать коров.

Прекрасные, большие, хорошей стройки, иногда двухэтажные дома в несколько горниц, часто крашеные полы, блистательная чистота, прочные, основательные службы и бани—все указывает на зажиточность и домовитость ловозерских обитателей. Многие семьи живут не делясь; например, последний, оставшийся в живых, один из первых 4-х хозяев, двинувшихся с Печоры, 76-тилетний старик Поликарп Иванович Рочев, имеет семью в 20 с лишним человек—4 женатых сына с семьями живут при нем, и он является полновластным хозяином всего достояния рода.

Весною все село, за исключением стариков и части женщин с семьями, уходит со стадами в тундры и живет в чумах, сшитых из берестяных полотнищ.

Осенью, уже со снегами, возвращаются назад и пасут в 50—100 и даже 200 верстах от погоста в лесах, обыкновенно каждый хозяин отдельно. При стаде живут в чуме, сшитом из двух слоев, шерстью наружу, оленьих шкур, натянутых на 50—60 длинных, до 3-х сажений, шестов, связанных на некотором расстоянии от вершины.

Характерное и выгодное отличие ижемского оленеводства от лопского заключается в том, что ижемцы круглый год пасут своих оленей. Стадо ни на один день не остается без охраны и без присмотра, и все время, а порою и днем и ночью, об'езжает хозяин или кто-либо из членов семьи, или работник стада, бережет его от волков, сгоняет оленей, разбредающихся летом широко по тундре за грибами, осенью в ожеледи сколачивая лед с рогов оленей, так как они заболевают от этого, весною—наблюдая за отелом важенок и помогая молодым и слабым новорожденным пыжам, целый год выбраковывая и наблюдая за заболевшими. Пешком нет возможности, конечно, целый день орудовать при стаде и ижемец летом по тундре, так же как и по снегу, все время ездит на своих высоких чунках, запрягая летом 5, даже 6 быков. О том, сколько места проезжается за лето, дает некоторое представление тот факт, что на одного работника при стаде готовится 10 пар полозьев—так они стираются от езды, а полоз у этих саней имеет до четверти аршина толщины.

Зимою олени, ради удобства, держатся обыкновенно в двух стадах: одно—исключительно рабочие быки (взрослые кастрированные самцы) держатся ближе к дому, другое—важенки, молодняк и производители,—дальше. Используется олень многообразно: как рабочее упряжное животное, мясо его идет в пищу, шкуры—на одежду, кожа—на замшу, сухожилия ног—на изготовление ниток для шитья, шкурки новорожденных—пыжики и перелетавших, осенью убитых телят—неблюи—представляют довольно ценные меха.

Не находя нужным подробно входить в рассмотрение оленя, как домашнего животного, все же остановимся на некоторых его свойствах, которые, не учитываясь при обложении оленного хозяйства различными государственными налогами и повинностями,

приводят к последствиям, губительно отражающимся на этом хозяйстве.

Олень круглый год находится на подножном корму, питаясь летом молодой травой, листьями деревьев, грибами, зимою—исключительно ягелем, который он добывает, отрывая его из-под снега, и в значительной степени—собственным жиром, который он успевает отложить за лето. В соответствии с его скудным питанием олень работает, как максимум, 50 дней в году, больше он не может. Вот его основное отличие от лошади и потому, четверка рабочих оленей, которая по силе, действительно, и может, приблизительно, равняться одной лошади, никак все же не является ей эквивалентной, как это принималось при начете трудгужналага, а по крайней мере в 7 раз, как рабочая сила, стоит меньше ее. Соответственно, и один олень, как рабочая сила, должен раз в 25—30 расцениваться дешевле лошади.

Важенка в первый раз телится, достигнув от роду двух лет. В этом возрасте она носит название вонделки и даже у лопарей не идет в работу (ижемцы вообще не работают на важенках). На следующий год, получая название вонделваженки, она у малооленных лопарей, у которых не хватает рабочих быков, идет впервые в упряжку, но результат этого—тот, что почти весь приплод от таких важенок гибнет—пыж рождается слабый и хилый и замерзает в ненастные весенние дни. Не учитывая этого, вонделваженки причисляют к рабочим животным и соответственно берут с них налог.

Осенью туша взрослого оленя достигает веса в $4\frac{1}{2}$ —5 пудов. Шкура его не лезет, волос прочен и тонок, кожа прочна и лишена дырок, свищей, причиняемых оленьим оводом, личинки которого во множестве гнездятся под кожей на спине и крестце оленя, к весне разрастаются и выходят наружу, продыравливая и портя в конец кожу. Весною олень вообще тощает, а упряжной и срабатывается, теряя до четверти своего веса, даже больше. Шерсть из него лезет клочьями, а кожа никуда не годится. И вот факт—сбирание налога весной. Это относится не к ловозерским ижемцам, имеющим свой кооператив и располагающим деньгами для уплаты, а к темным, безграмотным, безответным и отрезанным от всего лопарям дальних погостов. Денег у них нет, и они должны платить товаром—мясом и шкурами. Не зная с осени о предстоящих поборах, они, конечно, рассчитывают осенний убой для своих нужд, весной же оказываются в отчаянном

положении: бить рабочих оленей—они истощены и вес их по сравнению с осенним, мал. Бить стельных важенок, которые через несколько недель должны телиться—для хозяина горе. Кроме того, шкуры всех оленей совершенно не годны. И вот лопин вынужден отдавать в налог последнюю малицу, последнюю рову с постели, лишь бы не входить весной с ножом в свое стадо.

Не существует до сих пор тарифа, по которому должен расцениваться товар, получаемый от плательщиков налога, и этим открывается широчайшее поле, если не для злоупотреблений, то, во всяком случае, для чрезмерной эксплуатации незащитного населения, не знающего ни существующих рыночных цен, ни вообще места, куда бы они могли пожаловаться. Собирающий же налоги, не имея расценки, в ограждение себя от убытков, конечно скорее решается перебрать, чем недобрать. Мы знаем случай, когда за 329 рублей образца 1923 г., следуемых с одного лопаря в марте месяце 23 года налога, пошли 4 лосиных шкуры (2 малых), 2 куницы и 1½ пуда мяса; 329 р. по курсу на 15 марта составляли 13 руб. 40 коп. золотом.

Ловозерские ижемцы продукты своего оленного хозяйства—мясо, шкуры, изделия из них—пимы, малицы, шапки, сбывают в настоящее время в Мурманск и вообще на железную дорогу, но былой торговли, когда райды с мясом шли в Финляндию, теперь не стало. Война, взявшая много молодых сил на фронт, первая подорвала их хозяйство: уменьшилась охрана стад, они разбегались и легче становились добычей волков и лихих людей из среды тех же ижемцев и лопарей, тем более что был повышенный спрос на мясо со стороны строящейся жел. дороги.

Разверстка 1920 года была вторым, еще более сильным ударом по всему оленеводству Лапландии. Она не только истребила громадное количество оленей, но в известной степени подорвала и самый стимул ведения хозяйства, и выражение Наркомзема на XII Съезде Советов, сказавшего, что самым страшным вредителем русского сельского хозяйства является Наркомпрод,—вполне применимо и здесь. Сейчас хозяйство оправляется от страшного удара 20-го года, но пройдет еще не один год, пока стада приблизятся к прежнему числу. Сейчас число оленей, насчитывающихся в Ловозере, не превышает 20.000 голов, а максимальное стадо едва достигает 4.000.

Коровы села Ловозера происходят частью от холмогорских коров Печенгского монастыря, но значительно уменьшены в весе и производительности благодаря худшему содержанию и корму, частью от коров карельских (подобие северо-финского скота), частью от коров с Терского берега—небольших, но нетребовательных на корм и довольно производительных коров. Сенокосных угодий около Ловозера мало; они расположены главным образом по речке Вирме за 60—80 верст от села; доставляется сено на карбасах, частью на оленях—зимою. Кроме сена, почти исключительно осоки, для коров и овец заготавливается ягель, который заваривается с мучным и рыбным пойвом. Общественного быка нет, и производителем является чей-нибудь перезимовавший годовалый бычок, осенью идущий на убой.

В Ловозере имеется принадлежащий кооперативу замшевый заводик, перерабатывающий за год 2.000—3.000 штук оленьих шкур; на нем работают 2 человека и имеется лошадь, вертящая мяло. Замша в виде полуфабриката, находит сбыт в Ленинграде, по цене около 4 пудов муки за штуку. Цена невыделанной шкуры—постели—1—1¹/₂ пуда. Материалы, служащие для производства замши, известь и ворвань, недороги, а работа не сложна.

Кооператив, работой которого руководит местный священник, Мих. Ив. Распутин, весьма деятельная и полезная для населения организация: он скупает продукты оленеводства и промысла, снабжает мукою и иными товарами жителей, выдает ссуды, уплачивает в казну налоги, взимая их потом с членов, и т. п. В Ловозере есть школа, фельдшерский пункт, здесь же происходят занятия всеобуча для всей волости, т. е. для погостов Ловозерского, Воронинского, Лязерского и Семиостровского.

Лопарская часть села стоит на правом берегу Вирмы,—ижемская, непрестанно разрастающаяся и вытягивающаяся вверх и вниз по Вирме,—на левом.

В настоящее время Ловозерский погост испытывает уже состояние перенаселенности и недостаток и удаленность как кормов для рогатого скота, так и удаленность и недостаток просторных и богатых ягельников для зимнего выпаса оленей заставляет более предприимчивых ижемцев выселяться на новые места. Нужно иметь в виду, что к оленному хозяйству нельзя подходить с обычной меркой, применяемой нами вообще к скотоводству:

понятие тесноты и перенаселенности здесь совершенно иное. Во-первых, ягель возобновляется очень медленно—во много раз медленнее травы: трава, стравленная животным летом, на следующий год отрастает снова. Ягель, об'еденный оленем, вырастает на этом месте снова лишь через 10, а то и через 20 лет. Во-вторых, олень, пасясь по снегу, так сказать, в слепую, лишь чутьем обнаруживая под глубоким снегом порою разрозненные кустики ягеля, конечно, не может стравливать его сплошь, а использует пастбище очень экстенсивно, что увеличивает величину площади, необходимую на единицу животного. Наконец, сама площадь пригодная под зимний выпас (площадь ягельников) составляет небольшой процент всей поверхности. Из всего этого видно, какое колоссальное пространство требуется для существования хотя бы одного стада оленей и как скоро наступает малоземелье в условиях оленного хозяйства.

И вот, семь лет тому назад, четыре брата Артеевых, исколесивших со стадами, сначала в качестве пастухов-работников, а потом как самостоятельные хозяева, весь полуостров, решили обосноваться на жительство в верхнем течении Поноя, недалеко от Каменского погоста. Эта местность привлекла их главным образом обилием сенокосных угодий, расположенных большею частью по р. Поною. Места, пригодные для зимнего выпаса оленей, находятся недалеко, лес для стройки—тут же, наконец места, где держатся дикие олени и лоси, лежат так же недалеко от этих мест.

Заехав туда раннею весною с семьей и коровой, и поселившись в бывшей там старой лопской веже и в своем чуме, они положили начало поселку Ивановке, названному так по отцу этих 4-х братьев—Ивану Григорьевичу и старшему брату Ивану, „главному нашему строителю“, как они его называют. Прошло 7 лет и на безлюдном лесистом правом берегу Поноя, в 200 верстах от Ловозера и в 100 от Терского берега, выросло целое небольшое поселение—ряд хозяйств и хозяйств культурных.

Прекрасные теплые, высокие и светлые дома с большими окнами, и с обшитыми вагонкой (своего изготовления) потолками, хорошие, отапливаемые скотные дворы, большие сараи для хранения сена, баня, кузнечная и столярная мастерские, свое производство кирпича, дубление кожи. Скот (с молодняком до 20 голов) в прекрасном состоянии и со значительной производительностью, удой лучшей коровы достигает 30 бутылок, что об'яс-

няется хорошим уходом и кормлением. Имеются куры, а с этого года и свиньи. В небольшом количестве садится картофель, который хорошо удаётся. Дома имеется порядочный запас ягеля, идущего в пойво сухостойному скоту и им же подкармливают рабочих оленей, в противоположность большинству хозяйств, где запряженные олени, в ожидании отъезда на работу или в стадо, простаивают голодные, иногда по суткам. Когда дешевле была мука, предназначенных в дальнюю дорогу оленей кормили хлебом; такие олени много сильнее и выносливее.

Кроме таких хозяйственных достижений, мы находим здесь нечто своеобразное: ивановские жители для своих детей держат учителя—одного молодого человека из Кузомени; в доме А. И. Артеева устроена классная комната с настоящими партами и черной доской. Недостаток бумаги восполняется чистыми белыми дощечками, размера раскрытой тетради, которые линуются, на них пишут, потом они строгаются и опять идут в дело. Целая стопа таких тетрадей стоит в углу, исписанные, везде на столах и стульях. Буквари и кое-какие учебники (есть и из лучших) привез учитель с собою.

Всего в Ивановке живут 7 семейств: кроме Артеевых—еще 2 ижемца и самоед Вас. Ильич Выучей, тоже построившийся там, имеющий оленей и корову.

Основа хозяйства, конечно, олени. Зимой стада пасутся в лесах верстах в 40 к югу от Ивановки; летом все, кроме И. И. Артеева, уходят со стадами на север и кочуют в тундрах, верстах в 70—100 от летнего Иоканьского погоста.

Оленеводство, торговля, частью охотничий промысел дали возможность некоторым ловозерским ижемцам так же, как и удачным их единоплеменникам, оставшимся в Печорском крае, скопить в прежнее время порядочные денежные капиталы, которые они держали в архангельских банках.

И вот с такими сильными и предприимчивыми, работающими и энергичными колонистами столкнулись темные, малотрудоспособные, слабые и от природы слаборазмножающиеся коренные обитатели страны—лопари с их своеобразным рыбно-оленным хозяйством. Конечно, конкурировать с ижемцами им оказалось не под силу, и в настоящее время приходится наблюдать захирение и постепенную гибель лопского оленного хозяйства.

Происходит быстрое уменьшение численности стад, и число оленей низводится к тому количеству, когда оленеводство пре-

вращается уже в простое содержание оленей для нужд хозяйства—подвоза леса, переездов и т. п. Процесс этот протекает многообразно и выливается в следующие формы.

Лопари, уходя на свои летовья промыслять рыбу в устьях рек, впадающих в Ледовитый океан, оставляют своих оленей, исключая немногих упряжных быков, на которых они передвигаются, с семьей и скарбом, без призора, спущенными на волю в леса. Возвращаясь осенью уже по снегу и приступив к собиранию своих оленей, они обыкновенно их недосчитываются. Убыль бывает довольно значительной, и десятка два-три не найденных взрослых оленей—для хозяйства потеря не малая.

Ижемцы, весною уходящие со своими стадами в кочевье, проходят теми путями, где держатся спущенные на волю лопские олени. Естественно, что они соприкасаются и часть их попадает в ижемские стада. Недобросовестность народов более высокой культуры к народам, стоящим ниже их, есть правило, не имеющее на земле исключений. Не избежали его и ижемцы, и, конечно, лопский олень, попав раз в ижемское стадо, часто является потерянным для хозяина.

С другой стороны, большие ижемские стада, идущие, как овцы, плотной гурьбой, проходя и задерживаясь по наиболее кормным местам зимних выпасов лопских оленей, сильно истребляют и вытаптывают ягель, и лопари принуждены осенью все дальше и дальше от своих погостов собирать и пасти свои стада. В то время как ижемцы, живя зимою при стадах в передвижных, теплых и удобных чумах, не стеснены расстоянием стад от своего постоянного жилища и пасут нередко за 150—200 верст от него, наезжая домой через 2—3 недели, лопари не имеют этого обыкновения и в большинстве случаев в стаде не живут, а лишь наведываются через 2—3 дня и, если все благополучно (нет отбившихся оленей, волк не ходит), возвращаются домой. И вот, чем дальше приходится держать стадо, тем реже у него бывает хозяин и тем больше создается возможностей для разных неблагоприятий в стаде. Волк нередко забирается в него, вырезает до 20 голов за ночь, а еще больше разгоняет, и часть их тоже становится добычей или его, или попадает в чужие стада, или, отбившись совсем, падает от пули охотника, принявшего их за дикарей.

Всецело и прямо обвинять ижемцев в сокращении лопского оленеводства было бы черезчур односторонне. Безусловно, при-

чина тут и в лопарях самих: лень—с одной стороны, и частые кражи друг у друга оленей, чего, как говорят, раньше никогда не было, развившиеся на почве разных неурядиц, подрывают их хозяйство; наличие же ловких, вездесущих и мало чем брезгающих ижемцев еще ускоряет этот процесс.

Культурное влияние ижемцев как-то мало сказалось на хозяйстве лопарей. Правда, они перешли с прежде очень распространенных кереж на высокие, заимствованные у ижемцев, санкичунки, кережи же остались в ходу глав. обр. у Нотозерских, не соприкасающихся с ижемцами, лопарей. Некоторые ловозерские лопари пасут, подобно ижемцам, своих оленей; некоторые, не имея возможности отказаться от рыбного промысла, сдают на летнее время своих оленей в ижемские стада; большинство же—просто пускает их на волю.

Путем соприкосновения стад, взаимной купли-продажи и т. п. путями происходит смешение, сначала сильно, будто бы отличавшихся, рас оленя, несколько более крупного, в массе темнее окрашенного, пришлого—ижемского, и более легкого, резвого, часто совершенно белой, особенно любимой лопарями, масти,—местного, лопского оленя.

Процесс сокращения лопского оленеводства идет, повидимому, параллельно падению количества и самих лопарей. Лопские погосты в лучшем случае не увеличиваются, держась на том же числе домов, часто же сокращаются и доживают свои последние годы.

Особенно характерны в этом отношении погосты Ляозерский и Куроптевский. Первый—в 60 верстах от Ловозера, в 12 вер. от оз. Ляозера, представлен ныне только тремя домами. Раньше погост имел около 30 дворов и находился в 6 верстах от современного. В 50-х годах, после того как кто-то раскопал старые могилы, как рассказывает старый лопин Фома Мелентьев, случился мор, от которого перемерло почти все население. Остаток, уцелевший от смерти, рассеялся по другим погостам, осталось только 3 дома, которые перенесли на новое место. Число оленей сильно сократилось во время войны, когда молодежь была взята и, волки и лиходеи сильно сократили оставшиеся без охраны стада. Лето ляозерцы проводят в Рынде, где старик Мелентьев промышляет с колонистами в море на боте. Раньше ловили семгу, но колонисты захватили тони—сначала половину, а теперь и все. Жалуются, что ижемцы пасут не только в извест-

ных местах около погоста, но прогоняют своих оленей даже через загородку, устроенную лязерцами около Рынды. Столкновения их с лопарями нередки.

Погост Куроптевский, лет 30 тому назад насчитывавший до 15 домов, тоже низвелся сейчас до трех жалких хибарок, стоящих на 100—150 шагов одна от другой. В одной из них доживает свой век одинокая старуха, владеющая несколькими оленями и зимою живущая тем, что ловит силками куропаток. Сам погост, лежащий в небольшой ложбинке среди холмов на самой границе изреженного рубками соснового леса при переходе его в зону березняков, — вымирающий погост из трех покривившихся, древних, далеко стоящих друг от друга домиков, является самой характерной и печальной иллюстрацией к печальной современности лопского бытья.

Погост Семиостровский в 18 верстах к югу от Кадмозера, в неширокой долине верхнего течения речки Ельиек, дальше всех отстоит от морских берегов и от жел. дороги и, это, пожалуй — не без влияния на жителей в смысле их темноты и как бы чистоты лопского типа. Зимою семиостровцы пасут стада в безлесных окрестностях погоста, часто соединяя оленей двух или нескольких хозяев в одно стадо и навещая его по очереди. Лето они промышляют семгу заборами в низовьях Варзины реки, продают ее там, а запасают иногда разве что лоха. С осени перебираются на осенние места — на Бабозеро, Енозеро — бассейна Варзины, — Кидозеро, реки Чимска - иоки, Кида-иоки — бассейна Иоканьки реки, где ловят рыбу, запасаемую на зиму. В эти осенние места с зимы завозят дрова и хлеб в сухарях, так как живут в вежах и топлива в тундре мало.

Карбасов семиостровцы сами не шьют, а покупают обыкновенно подержанные на Терском берегу и завозят их зимою, как на Варзину, так и в осенние места — на озера. Дров нет и около самого погоста и за ними приходится ездить за десятки верст к югу. Топят исключительно сухостоем и валежником, за который приходится платить в лесничество сумму, становящуюся не малой из-за отсутствия денег и вынужденной необходимости вносить товаром, при чем, конечно, не исключены всяческие злоупотребления.

Каменский погост в 12 дворов с 62 жителями лежит в 80 верстах к югу от Семиостровья и живописно расположен на южном склоне лесистого холма. Он принадлежит Понойской волости

и экономически тяготеет к Терскому берегу — Кузомени и Варзуге, снабжаясь оттуда хлебом и туда же сбывая продукты своего хозяйства. Лето каменчане промышляют рыбу в 10 верстах от погоста на озере Выльявр, представляющим собою плес реки Поноя, и лишь одно семейство уезжает с семиостровцами на Варзину.

Зимний Иокангский погост с 30 домами и 131 жителем и многочисленнее, и зажиточнее других. Он лежит в 95 верстах к востоку от Каменского в зоне березового криволесья, постройки его лучше и больше. Иоканчане лето промышляют семгу в устье реки Иоканьги, пресноводной же рыбы не промышляют вовсе. Они больше других лопарей входят в соприкосновение с жителями Мурманского побережья и с моряками судов, останавливающихся в Иоканьге, многие бывали в Архангельске, кажутся более культурными и даже в облике их есть черты, заставляющие предполагать в них примесь посторонней крови.

В Иокангском погосте была школа, но с этого, 1923 года, когда содержание учителя было переложено на средства самих жителей, бездетные отказались платить, средств не оказалось, учитель выехал, и школа закрылась.

Лумбовский погост, в 60 верстах от зимней Иоканьги и в 90 верстах от села Поной, с 78 жителями и 20 домами, стоит на правом берегу реки Айчи, впадающей в Поной. Лето лумбовские лопари промышляют семгу в устье рек Каменки и Лумбовки, впадающих в Лумбовский залив.

Иокангские, Лумбовские и Куроптевские лопари занимаются также морским звериным промыслом — уходят на торос.

В марте месяце, когда тюлень приходит щениться в берега, они уезжают на побережье горда Белого моря в район с. Поноя и в стороны от него.

Лесной охотой занимаются как эти три погоста, так и Каменские и Семиостровские лопари и многие Ловозерские жители. Промышляют дикого оленя, лося, пушного зверя — куницу, лису песца, росомаху, волка, ловят выдру. В лес отправляются в конце февраля или в начале марта (в зависимости от погоды) на юг в направлении Терского берега — к верховьям Варзуги, Паны, Стрельны, к Сосновской тундре (дикие олени), в верховья Поноя. Группами по 2—3 человека, а кто и в одиночку, раз'езжается иногда весь погост целиком, проводя в лесу 2—3 недели, иногда месяц. Лопин выезжает на нескольких оленях, берет с

собой винтовку (обыкновенно берданку), легкую палатку, так называемый стан, припасов, сетку для обмета куниц. От такого охотника, имеющего все с собою, передвигающегося во всех направлениях на своих оленях, не связанного ни расстояниями, ни временем, к тому же, почти всегда великолепного стрелка, зверю, действительно некуда скрыться, он его может преследовать много дней, пройти за ним громадные пространства и всегда найдет с ним случай встретиться. Охотой больше всех занимается ближе расположенный к лесам Каменский погост, и там чуть не у каждого дома возвышается характерный, на столбах около сажени высотой, с перилами помост для хранения мяса и сушки шкур убитых животных. Охота давала каменчанам в прежнее время от 60 до 100 руб., в среднем, заработка на ружье. Количество дичи, главным образом, лосей и оленей, за последние десятилетия сильно упало во всей Лапландии. Лопари связывают это тоже с ижемцами, добывающими в прежнее годы большое количество животных, а также загнавших своими, постоянно охраняемыми стадами, оленей дикарей, прежде державшихся почти повсюду, в самые дальние места полуострова.

Несмотря на существующее для всей Европейской России запрещение охоты на лосей, она по Лапландии производится совершенно свободно, при чем бьют и самок и телят и даже Ловозерский кооператив принимает лосиные туши. В связи с сильной убылью количества лосей, следовало бы более действительно ограничить эту охоту. Количество пушного зверя и птицы меняется, года обильные сменяют года бедные и, по рассказам некоторых имандрских лопарей, наблюдается какая то периодичность в появлении и исчезновении, даже вообще всех животных и птиц: богатые десятилетия сменяются периодами тоже, приблизительно, такой же продолжительности, в течении которых и зверей и птиц становится меньше, за ними опять следует обильный период и т. д. Явление это, конечно, с трудом поддается наблюдению, объяснения его так же не существует, но следует упомянуть, что среди зоологов тоже раздаются голоса, подтверждающие такую периодичность, как бы приливы и отливы жизни (Профессор С. С. Четвериков).

Ловлею куропаток занимаются во всех погостах, но массовый характер она носит у трех восточных: Лумбовского, Иокангского и Куроптевского. Некоторые добывают силками по 300—400 пар за зиму, что составляет до 15—20 пудов мяса.

Этот, 1923 г. был беден пушниной—лисиц и песцов почти что совсем не было, волков хотя было не мало, но погода не благоприятствовала охоте на них и их было добыто всего несколько штук.

Этот отчет не исчерпывает собою, конечно, всей сложной картины жизни нескольких соприкасающихся народностей, населяющих восточную часть Кольского полуострова. Ограниченность времени бывшего в нашем распоряжении, несомненно удачный выбор этого времени—мы ездили в марте месяце, когда почти все мужское население Каменского, Лумбовского и значительная часть Семиостровского и Иоканьского погостов была в отъезде на морском и лесном звериных промыслах, наконец, затруднения, связанные вообще с получением каких-либо сведений от лопарей, природная доверчивость которых разрушена многолетней, часто недобросовестной эксплуатацией, пришлым элементом скупщиков, должностных лиц и т. п.—все это вместе отозвалось, конечно, на имеющемся у нас материале, на его полноте.

Но, с другой стороны, мы знаем, что это, страдающее в оленеводстве, лопское хозяйство подвергается в настоящее время значительному давлению и с другой стороны—со стороны рыболовной: систематическое занятие колонистами исконных лопских семужьих тонь как по Мурманскому побережью и Кольской губе, так и по реке Тулуме, усиленно заселяющейся финнами, ведет к еще большему разорению лопарей, достаточно, казалось-бы, как и все прочие оленеводческие и охотничьи народности, подвергавшихся в прежнее время самой беззастенчивой эксплуатации.

Необходимость правового регулирования различных хозяйственных взаимоотношений, более внимательного проведения налоговой политики с сознательным учетом особенностей лапландского хозяйства и, конечно, открытие школ—вот, мнится нам, отправные пункты для поднятия местного хозяйства.

В заключение я позволяю себе выразить глубокую благодарность организаторам этой экспедиции С. И. Каплан и Н. И. Кац, как за самое мое приглашение в их экспедицию, так и за те, еще ими не опубликованные, статистические данные, которые они мне любезно разрешили привести в настоящей статье. Все сведения, касающиеся населения посещенной нами местности и публикуемые здесь, собраны нашим совместным трудом. Обширная же статистическая работа, проделанная, кроме

того, ими, должна в непродолжительном времени появиться в печати в виде Трудов Мурманского Губстатбюро, касающихся не только внутренней Лапландии, но и других частей Кольского полуострова.

Май, 1923 г.
